

мической областях. Попытка при развращенном и своекорыстном государственном аппарате заменить уже сложившиеся товарные отношения всеобъемлющим государственным регулированием была утопичной и реакционной. Она лишь ухудшила положение крестьянства, в конечном счете сбросившего Ван Мана и уничтожившего его режим.

Мы уже говорили о том, что Чжан Инь-линь не стоял на позициях марксизма. Отраженное в книге мировоззрение автора можно определить как взгляды буржуазного ученого-демократа. Чжан Инь-линю было чуждо представление об определяющем значении развития производительных сил в историческом процессе. Он не видел в истории закономерной смены общественно-экономических формаций. Методологические основы, из которых он исходил, освещая историю древнего Китая, довольно неопределенны, а зачастую и противоречивы. Это сказалось и в содержании, и в структуре книги. Так, анализируя «феодальное» общество XI—V вв. до н. э., автор дает обстоятельную характеристику классов рабов и крестьян и отдельных прослоек господствовавшего класса. Книга, несомненно, сильно бы выиграла, если бы автор и дальше продолжал освещать положение этих и появление новых социальных групп древнекитайского общества. Но, закончив описание этого периода главой, посвященной деятельности Конфуция, Чжан Инь-линь остальные главы книги строит по совершенно иному плану, посвящая их в основном политической и культурной истории и почти не касаясь социальной истории.

Однако непоследовательности и шаткости методологических основ книги противостоит последовательность в оценке исторических деятелей и событий с позиций демократизма, в духе уважения и сочувствия к трудовому народу древнего Китая. Это придает всему повествованию историка своеобразный отпечаток — можно сказать, что в строках книги чувствуется не только ученый, но и человек. Эмоциональный подход к материалу, пробуждающий в читателе горячий интерес к судьбе простых людей, своим трудом создавших великую китайскую культуру, составляет одну из наиболее привлекательных особенностей книги.

Замечательной чертой «Древней истории Китая» является и удачное сочетание научного подхода с популярностью. Под пером Чжан Инь-линя древнекитайская история становится живой, понятной, близкой современному читателю. В то же время в книге нет ни малейшего оттенка вульгаризации, попытки приспособить изложение к уровню неспециалиста за счет упрощения одних проблем, отказа от рассмотрения других. Если учесть сложность древнекитайских источников и складывавшуюся тысячелетиями конфуцианскую историографию, от влияния которой отчас нелегко бывает освободиться даже ученым, стремящимся по-марксистски осветить древнекитайскую историю, заслуживает восхищения умение автора на высоком научном уровне и в то же время красочно, увлекательно и просто рассказать об исторических судьбах древнего Китая.

В. Рубин

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СВОБОДНЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАХ И РАБАХ В ЕГИПТЕ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

W. C. HAUES, A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum (Papyrus Brooklyn 35.1446), 1955, 165 стр. + XIV табл.

Рассматриваемая работа, как показывает ее название, посвящена изданию одного из папирусов Бруклинского музея, датируемого концом Среднего царства. Он был привезен из Египта в виде массы обрывков свыше 60 лет назад Ч. Вильбуром и в 1935 г. передан, в числе других папирусов, в музей. Два с половиной года реставратор музея А. Джамбальво, которому под конец работы помогал автор издания, соби-

рал его из сотен фрагментов. Чтение ператического письма Среднего царства — не легкое дело, и этим объясняется тот факт, что многие документы того времени, хранящиеся вот уже в течение десятилетий в различных музеях мира, в том числе знаменитый архив Кахунских папирусов в Берлинском музее и архив Хеканахта в Метрополитанском музее Нью-Йорка, полностью или же в большей своей части неопубликованы. В данном случае трудности, создаваемые письмом, усугублялись как плохой сохранностью текста, так и своеобразным характером документа. Автору пришлось проделать большую работу по расшифровке и интерпретации содержания рукописи. И если чтение отдельных мест текста, равно как толкование некоторых терминов и выражений, предлагаемых автором, остаются сомнительными, недостоверными или спорными, значение издания все же велико, так как оно дает в руки исследователя значительный материал для изучения различных социально-экономических вопросов одного из особенно темных периодов истории древнего Египта.

Основной текст, записанный на лицевой стороне, представляет собой ведомость лиц, числившихся за «главной тюрьмой» (*hrt wr*) г. Фив; оборотная же сторона содержит список рабов. Кроме того, как на лицевой, так и на оборотной стороне папируса сохранились записи иных документов, которых мы коснемся ниже.

Ведомость лиц, числившихся за «главной тюрьмой», в своем нынешнем виде содержит полностью или частично записи, касающиеся 80 человек¹, хотя возможно, что в первоначальном виде она охватывала значительно большее число лиц².

Ведомость была составлена, в основном, в течение 10—31 гг. Аменемхета III. Каждому лицу в ней посвящена одна строка, а все 80 вместе образуют как бы три страницы. Текст, как в любой ведомости, очень краток, что, наряду с наличием многих лакун, употреблением ранее неизвестных терминов или слов, применяемых в новом значении, а также различных сокращений, усложняет его понимание. Данные ведомости размещены в восьми графах, причем в некоторых случаях, для упрощения работы, одна запись в одной из граф относится сразу к нескольким строкам. Графы ведомости дают следующие сведения: 1) пометка о состоянии дела, 2) имя лица, числящегося за главной тюрьмой, 3) в чьем ведении это лицо находилось раньше, 4) его (?) профессия, 5) пол, 6) дата и суть судебного решения, 7) пометка о его местонахождении (?) и 8) кем объявлено об окончании дела.

Для того чтобы читатель мог составить себе более ясное впечатление о характере документа, приведу для примера несколько записей.

1. «[Закончено]. Себеко сын, Неджемиб, человек (*rmf*) из п. Батиу³. Земледелец (*'ihwtj*)⁴ м.⁵ Был издан (приказ) главной тюрьме в⁶ 10 году, [второго] месяца *peret*,

¹ Хьюз считает, что на самом деле в ведомости упомянуто меньше лиц, так как в строках 59—62 писец ошибочно повторил записи строк 25—28. На мой взгляд, это наиболее яркое доказательство того, что перед нами не подлинная ведомость, а выписка из нее, как это, впрочем, допускает сам автор на стр. 66. Но в таком случае отпадают все соображения Хьюза о том, что записи в разных графах 25—80 строк сделаны одновременно и различными писцами.

² В нынешнем виде ведомость действительно содержит 80 строк, если, вместе с Хьюзом, считать концы строк, сохранившиеся в правой части фрагментов, воспроизведенных на табл. II, продолжением текста, имеющегося на табл. I. Однако, как мне кажется, уверенности в правильности этого предположения нет.

³ Запись касается и следующей строки. Судя по месту, которое поселение Батиу занимает в Рамессейском словаре Среднего царства, оно находилось несколько севернее нынешнего Дендера (см. A. Gardiner, *Ancient Egyptian Onomastica*, II, Oxf., 1947, стр. 31*).

⁴ Слово написано одним знаком. К кому оно относится — к беглецу ли или к тому виду работ, которую должен был выполнять беглец, и в этом и в аналогичных случаях установить нельзя. И здесь и ниже слова, данные полужирным шрифтом, в оригинале написаны красным.

⁵ Пол во всех случаях обозначается в папирусе сокращенно.

⁶ Запись в этой графе касается строк 1—6.

дня..., [чтобы применили против него закон как к]¹ бежавшему (из) тюрьмы. Доставлен². Сказано..., писцом везира: „оно закончено“.

56. «Закончено. Сенусерт сын, Ихинеф человек.... [м.] Был издан (приказ) главной тюрьме в 31 году³, второго месяца *шему* последнего дня, чтобы освободить его домочадцев (ḥr. t) в палате *джаджат*. Был издан (приказ), чтобы применили против него закон, как задумавшего бегство на 6 месяцев⁴. Здесь. Сказано Дедуамоном, писцом везира: „оно закончено“».⁵

57. «Закончено. Себес сын, Ментухетеп (из) плодового сада (w'ḥ-ḥt)⁶.... [м.] Был издан (приказ) главной тюрьме в 31 году⁷ третьего месяца *шему*, дня 5, чтобы (пере)дать (его) исчисленной земле (ḥsbw)⁸, вместе с его домочадцами⁹, навечно, [согласно тому как] сказано палатой *джаджат*. Здесь. Сказано Дедуамоном, писцом везира: „оно закончено“»¹⁰.

Начало и конец ведомости отсутствуют, однако некоторые данные позволили все же издателю папируса высказать убедительное предположение, что это перечень лиц, бежавших от выполнения повинностей в пользу государства. Об их бегстве было сообщено в «главную тюрьму», в которую были заключены домочадцы беглецов; они находились в тюрьме в качестве заложников, до тех пор пока виновные не возвращались обратно или же не удавалось их поймать. Наказанием беглецам было, видимо, их закабаление, а в некоторых случаях закабалались и их домочадцы.

Текст возбуждает много вопросов. Первым их них, естественно, является вопрос о том, кто же были те люди, которые упомянуты в тексте. Ответить на него с полной достоверностью трудно. Дело в том, что перед нами не подлинная «книга преступников, находящихся в главной тюрьме», о которой упоминает должностная инструкция везира¹¹, а, вероятнее всего, какая-то выписка из нее, составленная для определенной цели. Поэтому писец, сделавший ее, считая мотивы включения в нее определенных лиц совершенно понятными, ограничился лишь самыми краткими данными. Однако эти сведения позволяют все же сделать некоторые выводы.

¹ Восстановлено по записям в иных строках, исходя из предполагаемого Хьюзом размещения фрагментов (см. выше, стр. 145, прим. 2)

² Слово написано сокращенно, одним знаком ḥnj. В иных записях этой графы употребляются еще два знака ḥj — очевидно, сокращенное написание для слова «пришел» и ḥ — «здесь». По мнению Хьюза, первое означает, что беглец пойман и доставлен, второе — что беглец явился добровольно, а третье — что он налицо. На мой взгляд, толкование этих слов (которому я не могу, однако, противопоставить лучшего) сомнительно, ибо каким бы путем беглец ни оказался в тюрьме («доставлен» силой или «явился» добровольно), он все равно «здесь». За этим словом следует черная пометка, которая в других иератических папирусах нередко соответствует знаку повторения. Ее значение в данном случае непонятно.

³ Запись в этой графе является общей для строк 55—60.

⁴ Таким образом, продолжительность отсутствия беглеца имела значение при определении наказания, установленного законом.

⁵ Запись в этой графе является общей для строк 55—57.

⁶ Перевод не достоверен.

⁷ Запись в этой графе является общей для строк 55—60.

⁸ Слово написано сокращенно. О чтении и переводе этого слова см. ниже.

⁹ Это наказание, которое применялось к лицам, сбежавшим от выполнения своих обязанностей (а иногда и к членам их семей), соответствует тому, которое встречается не только в текстах Нового царства (см. об этом И. Л у р ь е, К истории древнеегипетского законодательства, ВДИ, 1946, № 3, стр. 33 и 42), но уже и в Среднем царстве (см., например, Поучение царю Мерикара, стк. 142—143). Оно состояло в том, что свободный человек превращался в раба того ведомства, храма и т. п., которому он нанес своими действиями ущерб.

¹⁰ Запись в этой графе является общей для строк 55—57.

¹¹ K. Sethe, *Urkunden der 18 Dynastie*, Lpz, 1909, стр. 1109, 3.

В графе, содержащей сведения о том, в чьем ведении находились прежде беглецы, все данные обычно ограничиваются указаниями вроде: «человек из п. Батиу» или «человек из Чени» (современное Гирга) и т. п., но в некоторых случаях они несколько подробнее: «(из) земли» такого-то поселения или чиновника. Слово «земля» можно читать различными способами и видеть в нем обозначения различных категорий земли. Хьюз (стр. 27) читает его как *ḥbsw*, исходя из чего и строит свои дальнейшие рассуждения. В итоге, учитывая, что в графе, сообщающей о профессии, в пяти из восьми сохранившихся случаев написано слово, которое, видимо, следует читать «земледелец», автор приходит к выводу, что под словом *ḥbsw* следует понимать: «обозначение созданных и управляемых государством ферм, на которые периодически призывались египтяне, чтобы служить на них на положении работников» (стр. 29).

В рецензии нет возможности подробно доказывать допустимость иного чтения, а следовательно, и истолкования этого термина, которое привело Хьюза к выводам, на мой взгляд, противоречащим и тому, как строились земельные отношения в Египте того времени, и тем данным, которые нам известны о государственных повинностях. Ограничусь лишь ссылкой на то, что возможное, но отвергаемое Хьюзом по не указанному им причинам чтение слова как *ḥsbw*, которое в этом случае означало бы «исчисленная земля», дало бы лучший смысл. Тогда отпала бы надобность предполагать наличие государственных ферм со сменяемыми временными работниками, отбывающими здесь трудовую повинность (наличие такой повинности в Египте хорошо известно, но лишь в применении к разного рода строительным и оросительным работам¹), а шла бы речь о ежегодном исчислении полей, т. е. об обложении земель податями, нередко приводившем мелких свободных земледельцев к разорению и бегству со своих участков — что засвидетельствовано рядом текстов.

Далее, изучая названия мест, откуда бежали лица, упоминаемые в ведомости, Хьюз, опираясь на исследования проф. А. Гардинера о так называемых древнеегипетских словариках, приходит к заключению, что все эти местности были расположены между Сильсилэ и Ахимом. Они принадлежали, следовательно, к тем южнымномам Верхнего Египта, которые во времена Среднего царства составляли область называвшуюся «Голова Юга» и управлявшуюся «докладчиком ведомства Головы Юга». Резиденция этого чиновника была в Фивах, где, вероятно, и был найден папирус.

Не менее интересна ведомость, написанная на оборотной стороне папируса: это перечень рабов, принадлежавших какой-то женщине. От ведомости полностью или частично сохранилось 80 строк². Вот ее первые шесть строк:

1. «Царский раб (*ḥm-nst*) Ренсенеб сын, Анху, прозываемый Хеджери, домослужитель (*ḥry-pr*); м³.

Рабьяня (*ḥmt*) Ии дочь, Геменсенх, (это ее имя, парикмахер, ж. ⁴.

Ее дочь Ренсенеб, это ее имя, д. ⁵.

Царский раб Иусни сын, Аша, это его имя, земледелец (*ʿiḥwty*), м. ⁶.

5. ⁶ Иуи сын, Ибу, это его имя, земледелец, м.

Азиат (*ʿꜣ m*) Сенебрессенеб, это его имя, повар, м. ⁷».

¹ Эти работы, как можно, мне кажется, установить по некоторым данным, осуществлялись в период разлива Нила, т. е. тогда, когда поля были залиты водой.

² Если согласиться с Хьюзом, что между частью папируса, воспроизведенной на табл. XIII, и той, что дана на табл. XIV, отсутствует около 16 сантиметров, то перечень рабов охватывал 88—95 человек; однако нет уверенности в том, что отсутствующая часть папируса не была больше.

³ Иератический знак, соответствующий понятию «мужчина».

⁴ Иератический знак, соответствующий понятию «женщина».

⁵ Иератический знак, соответствующий понятию «девочка».

⁶ Для того чтобы не повторять слов: «царский раб», писец написал имя раба отступя от начала строки, под именем раба упомянутого выше.

⁷ Ведомость рабов содержит таким образом следующие графы: 1) категория раба, 2) его имя, 3) прозвище, 4) специальность и 5) пометку, которая облегчала подсчет рабов по полу и возрасту.

В конце первой строки начинается вертикальная строка надписи, которая сохранилась лишь частично. Она кончается у 38 строки. Вот ее перевод: «Это ее люди, переданные¹ (в) году 2, второго месяца..., дня 8, во времена царя В. и Н. Египта Сехемрауджтауи, сыне [Ра, Себекхотепа]..., слуг [и] (b) ꜥ [w]), которых они перевезли (по воде)»².

Остальные записи ведомости рабов выглядят так же, как и приведенные выше, с той лишь разницей, что в начале каждой десятой строки, вероятно, для облегчения подсчетов, стояла соответствующая цифра (10, 20 и т. д.).

Благодаря наличию данной ведомости мы впервые имеем возможность судить по документу как о том, чем занимались рабы в каком-то, вероятно, достаточно богатом, частном хозяйстве, так, в известной мере, и об их этнической принадлежности.

Из 80 рабов, упомянутых в ведомости, 33 были египтянами, а 47, считая детей,— азиатского происхождения. Впрочем, так как из числа детей только сын одной рабыни имел азиатское имя, тогда как все остальные дети женщин-сириянок носили чисто египетские имена, не исключена, представляется мне, возможность, что среди лиц, которых мы относим к египтянам, были на самом деле потомки рабов-иностранцев. Но, даже отбросив такое достаточно вероятное предположение, из списка рабов видно, что среди них численно преобладали иностранцы. В числе рабов имелось 43 женщины, 22 мужчины и 15 детей. Большинство рабынь (31) были азиатского происхождения, тогда как мужчины, наоборот, в своем большинстве (15 человек) были египтяне. Ведомость ничего не сообщает о том, как перечисленные в ней люди стали рабами, однако то обстоятельство, что среди иностранцев большинство составляли женщины, позволяет считать этих рабов военной добычей.

Весьма любопытно распределение рабов по профессиям. Выше уже указывалось, что папирус дошел в поврежденном состоянии, поэтому сведения о специальности рабов сохранились только в 44 случаях:

<i>Мужчины</i>	<i>египтяне азиаты</i>	
домослужители	3	2
земледельцы	5	—
пивовар	—	1
повара	—	2
воспитатель (детей)	—	1
сапожник	1	—
<i>Женщины</i>	<i>египтянки азиатки</i>	
ткачихи разных категорий	2	22
служительницы при складах	—	4
парикмахер	1	—
рассказчица	1	—
садовницы	2	—
работница	—	1

На основании сведений о профессиях рабов Хьюз сделал справедливый вывод, что эти рабы были в основном домашними и что в частном хозяйстве времени Среднего царства рабство было более распространено, чем это можно было думать раньше.

Этот документ позволяет сделать также интересные выводы и по более частным вопросам, о том, например, для каких работ преимущественно использовали женщин и иностранцев, а также для установления более правильного значения некоторых социальных терминов. Так, все египтяне-мужчины названы в ней *hm-nsw*, а женщины *hmt*. Оба понятия известны уже давно, но если в отношении второго и раньше было

¹ Так я условно перевожу выражение *nꜥ wt dꜣrt*, которое не засвидетельствовано. Перевод Хьюза: «действие дарения» — столь же условен.

² Хьюз именует эту запись «Текст С, verso»; упоминаемый в ней царь — это фараон Себекхотеп III.

очевидно, что оно часто имеет значение «рабыня», то в отношении первого ясности не было. А. Бакир, автор последней и очень ценной по материалу работы о рабстве в древнем Египте, пишет о нем: «*ḥmw-nsw* „царские рабы“ были, по-видимому, людьми, прикрепленными к местной царской собственности, переданной в пользование провинциальной знати, или же, как при XI династии, — царскими посланцами, доставлявшими *ḥtp-dī-nsw* (т. е. заупокойные приношения.— *И. Л.*)¹. Из ведомости же с очевидностью следует, что мужчины, именуемые *ḥmw-nsw*, также были рабами².

Помимо этих основных документов, папирус содержит еще ряд записей. На лицевой стороне имеются копии двух царских указов (по Хьюзу — «вставки В и С»), видимо, времени царя Хенджера (середина XIII династии), связанных с делом какого-то чиновника Паи (возможно, что в обоих указах речь идет об одном и том же лице), против которого было возбуждено обвинение в совершении насилия в отношении беглого. Здесь же записана очень плохо сохранившаяся копия донесения некоего Гебу (по Хьюзу, «вставка А»), члена палаты-кенбета одного из номов. На оборотной стороне имеется сильно поврежденный документ (по Хьюзу «текст В»), в котором указывается, что некоей Сенебтиси ее муж подарил, помимо прочего имущества, в два приема 75 рабов.

Издатель, на основе ряда допущений и предположений, приходит к выводу, что все документы, сохранившиеся в издаваемом папирусе, на первый взгляд кажущиеся самостоятельными, в действительности связаны между собой: их общее назначение — подтверждение прав Сенебтиси на переданное ей имущество. Сперва (это текст С на оборотной стороне; выше дан его полный перевод) утверждается, что слуги, перечисленные в ведомости рабов, являются собственностью женщины (ее имя не указано, но Хьюз думает, что это Сенебтиси), получившей их в дар во втором году фараона Себекхотепа III. Затем цитируется документ (оборотная сторона, текст В), датированный тем же годом, из которого видно, что муж Сенебтиси передал ей своих рабов и иное имущество. Третий документ (оборотная сторона, текст А), по мнению Хьюза, устанавливает факт получения рабов ее мужем (но в тексте не сохранились имена Сенебтиси и ее мужа). Далее (лицевая сторона, вставка С) приводится копия царского указа от шестого года неназванного фараона (возможно, Хенджера II), которым удовлетворяется просьба какого-то фиванского чиновника (Хьюз предполагает, что это муж Сенебтиси, хотя и ее имени в тексте нет) о передаче ему группы домашних слуг, принадлежавших прежде Паи, т. е. по-видимому, того же лица, который согласно приведенной копии иного указа (лицевая сторона, вставка В) должен быть арестован и доставлен в столицу. Хьюз не без основания считает, что Паи имел отношение к распределению на работу осужденных преступников. Поэтому он предполагает, что наличие в папирусе ведомости лиц, числившихся за главной тюрьмой, объясняется тем, что они были предками тех рабов, ведомость которых дана на обороте. Однако как это связать с тем, что все беглецы, судя по их именам, — египтяне, а рабы, в большинстве, — азиаты, Хьюз не объясняет. Хьюз не настаивает на предполагаемой им связи между документами (см. стр. 127—129), но во всем своем изложении постоянно имеет ее в виду. Насколько эта связь сомнительна, видно из сказанного. Единственное достоверное звено во всей цепи рассуждений автора — это тот факт, что в тексте В оборотной стороны действительно идет речь о подаренных Сенебтиси ее мужем рабах и ином имуществе. Однако, так как в перечне рабов было перечисленно, по меньшей мере, 88 человек, то нельзя даже быть уверенным в том, что это список людей, принадлежавших Сенебтиси.

Однако, независимо от того, связаны ли между собой записи папируса или нет, содержание его очень интересно и важно. Для его раскрытия многое дают комментарии Хьюза³, на которые, без сомнения, будут опираться последующие исследователи.

¹ A. B a k i r, *Slavery in Pharaonic Egypt*, Le Caire, 1952, стр. 30.

² Впрочем, всегда ли понятие *ḥm-nsw* означало «раб», и почему «царский раб» мог находиться в частном хозяйстве, можно будет установить только после специально-исследования всех случаев употребления этого термина.

³ Пользование ими очень облегчают имеющиеся в работе указатели.

Отмечу все же некоторые дефекты работы Хьюза. Жаль, что он не дал сплошного перевода текста. Для читателя, который не станет вслед за автором сравнивать перевод, строка за строкой, с оригиналом, а захочет использовать его труд для общих исследований, т. е. для читателя не специалиста, методика перевода, принятая Хьюзом, содержит серьезные опасности, которые особенно велики в отношении ведомости лиц, числившихся за главной тюрьмой. Я имею в виду то обстоятельство, что автор рассматривает каждую графу ведомости самостоятельно, вследствие чего легко утрачивается ощущение всей строки в целом и читатель может упустить из виду, что между графами имеются порой значительные лакуны.

Существенным дефектом издания является и то обстоятельство, что хорошие воспроизведения даны не только не в натуральную величину, как это было бы желательно, учитывая сложность палеографии текстов Среднего царства, но и в разных масштабах. А так как этот масштаб нигде не указан, читатель может его установить только приближенно. Это, без сомнения, очень сильно снижает то значение, которое могла иметь проделанная Хьюзом работа для изучения палеографии еще неизданных рукописей того же времени, не говоря уже о том, что это весьма затрудняет проверку высказанных им предположений о разных почерках, которыми сделаны некоторые записи.

Малый формат таблиц и их разномасштабность затрудняет и проверку утверждения автора о том, что для записей был использован чистый папирус. Хьюз указывает (стр. 7), что воспроизведения создают ложное впечатление того, что папирус является палимпсестом, тогда как на самом деле просвечивает текст оборотной стороны. Не видя оригинал, трудно опровергать утверждение автора, но все же следует указать, что по крайней мере в двух случаях видны следы знаков, наличие которых приведенное изображение Хьюза не объясняет. Я имею в виду следы записей, ясно различимые на табл. IV (вдоль правого края так называемой «вставки А») и на табл. IX (вдоль левого края столбца «b»). В обоих случаях надписи идут перпендикулярно к основному тексту папируса, причем отдельные, более отчетливо видимые знаки говорят о том, что надпись не является зеркальной, как должно было быть, если прав Хьюз, и, самое главное, в соответствующих местах оборотной стороны (соответственно табл. XI и VI) строки расположены горизонтально по ширине папируса, а не поперек. Это ставит под сомнение соображение автора издания относительно того, что для записей был использован девственный папирус, соображение, которое может иметь немаловажное значение для решения вопроса о связанности всех записей.

Проф. И. Лурье

V. EHRENBERG, *Sophocles and Pericles*, Oxford, 1954, XI + 187 стр.

Рецензируемая работа посвящена вопросу, представляющему большой интерес как для литературоведов, так и для историков. Взаимоотношения Софокла и Перикла привлекали и ранее внимание исследователей, например, Поленца («Griechische Tragödie», I, 1930, стр. 161, 2 изд., 1954) и Уйтмена («Sophocles», Massachusetts, 1951, стр. 13), однако, до сих пор этот вопрос не разрабатывался специально. Между тем изучение взаимоотношений этих двух выдающихся деятелей Древней Греции может значительно пополнить наши представления об афинском обществе V в. до н. э.

Автор считает типичными представителями рассматриваемой эпохи Перикла, Софокла и Фидия. Однако ограниченность наших сведений о последнем вынуждает его сосредоточить внимание лишь на первых двух. При этом деятельность Перикла и Софокла Эренберг рассматривает не в полном объеме, а лишь в пору наивысшего влияния Перикла, от постановки «Антигоны», которую он относит к 442 г., до постановки «Царя Эдипа» в 429 г. Этот период начинается победой демократической партии и изгна-